

ОТ «НОСА» К «НОСОРОГУ»

*сделать карточку на «носорог»
и в библиотеку завести.
Н. РАЗГОВОР*

В СЛОВЕ «носорог» есть нечто противоречивое. Действительно, как можно называть носорогом животное, у которого вообще нет носа? Кто не возмущился бы, скажем, такой фразой: «Лошадь задрала свой нос». А так ли уж носорог отличается от лошади? Общие контуры строения морды у них в значительной мере совпадают. Но у носорога есть рог, а иногда даже два, как раз на том месте, где у него мог бы быть нос, если бы он у него был. Поэтому, несомненно, правильнее называть это животное «мордорогом» или «рогомордом». На худой конец, чтобы не полностью упразднить уже установившееся наименование, его полезно было бы трансформировать хотя бы слегка и говорить не носорог, а рогонос. При такой перестановке рог по справедливости занял бы причитающееся ему первое место, а «нос» был бы отгеснен назад и по прошествии одного-двух веков воспринимался бы уже не как анатомический термин, а как производное от глагола «носить». Таким путем наименование носорога приблизилось бы к действительности и отражало бы ее гораздо лучше, чем нынешнее...

Я позволяю себе это короткое лингвистическое вступление пото-

му, что ниже речь пойдет о недавно напечатанной на русском языке пьесе французского драматурга Эжена Ионеско «Носорог». Пусть же читатель сразу же проникнется мыслью, что если уже в самом слове «носорог» действительность предстает перед нами в искаженном и запутанном виде, то чего же ожидать от одноименной пьесы, принадлежащей одному из метров так называемого театра абсурда. По правде говоря, прочитав пьесу, я долго не мог сообразить, с какого конца к ней подступиться. И был момент, когда мне хотелось положить в основу своей статьи гоголевские слова: «Но что страннее, что непонятнее всего, это то, как авторы могут брать подобные сюжеты. Признаюсь, это уж совсем непостижимо, это точно... нет, нет, совсем не понимаю. В первых, пользы отечеству решительно никакой; во-вторых... но и, во-вторых, тоже нет пользы. Просто я не знаю, что это...»

Возможно, я так бы и поступил, если бы не опасался, что обязательно найдется дотошный читатель, который заметит: «А ведь писано-то это у Гоголя в повести «Нос» и не про кого-ни-будь, а непосредственно про само-

го себя и про эту же самую свою собственную в достаточной мере фантастическую повесть. Но дальше-то что говорит Гоголь? «А однако же, при всем том, хотя, конечно, можно допустить и то, и другое, и третье... Как поразмыслишь, во всем этом, право, есть что-то». Ну что же, придется — как это ни хлопотно, когда имеешь дело с такого рода произведениями, — заняться анализом, «допустить и то, и другое, и третье...».

А почему бы и не поразмыслить? Ведь пишет же, например, Н. Наумов в своем послесловии к «Носорогу» в «Иностранной литературе»: «Оносороживание символизирует, пользуясь выражением Маркса, консервативную сторону человеческого самоотчуждения, представляемому имущим классом, который чувствует себя в этом самоотчуждении удовлетворенным и утвержденным, видя в нем свидетельство собственного могущества. и пьеса Ионеско прежде всего потому и воспринимается как антифашистская, что эта сторона достигает своего крайнего выражения в фашистском оскотинении и озверении». Отмечает же А. Анкист в статье, опубликованной в «Новом мире», что... «комедия «Носороги», пожалуй, впервые ясно обнаруживает причины и сущность антиин-

ИОНЕСКО
«НОСОРОВА»

30 ДЕК 1965